

МЕНДЕЛЕЕВ

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

№ 33 (1876)

Понедельник,

5 ноября

1990 г.

Издается с 1929 г.

Цена 2 коп.

Ю. А. ПРОКОФЬЕВ:

«В этот трудный период жизни нашего общества желаю всем менделеевцам не терять оптимизма, верить и активно участвовать в реформировании нашего общества в интересах человека. 31 октября 1990 г.»

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЫПУСК

СНИМОК НА ПАМЯТЬ

НАДЕЖДЫ МАЛЕНЬКИЙ
ОРКЕСТРИК ПОД УПРАВ-
ЛЕНИЕМ... КОГО?

1980—1990 гг. Автор известен.

«Стрелы возьмите каленые,
Добрый начините посев —
Встанут не восходы зеленые,
Классовый вырастет снег!
Классовой правдой увенчана,
Станет счастливой страна!
Стройной, нарядной —
как женщина», —
Благовещая Сатана.
«Киньте святилища тесные,
Лампы зажгите во мгле,
Что вам до царства небесного?
Будет вам рай на земле.
Пусть в запыляющем мирике
Салом смиряющих слов
Льется на благостных лириков
Нежность их тихих богов.

Здесь, среди боя и голода,
В волчьих напевах свинца
Дряхлое сменит — что молодо,
Сын — да пойдет на отца!

Дряхлое сменит — что молодо,
Время настанет для нас.
Всесокрушающим молотом
Стань, атакующий класс!

Волей единою трезвая,
В небо взметнется рука.
Станут хоромы железные
Гордо скрести облака.

И под краями лучистыми
Ввысь вознесенной звезды
Выйдем счастливые, чистые
В яблонь цветущих сады!

Киньте святилища тесные,
Лампы зажгите во мгле,
Что вам до царства небесного?
Будет ваш рай на земле!

Утром, и в полдень, и вечером
Сладко напелывал Змей,
И поддалось человечество
Черной гордыне своей.

Тем и запомнилось времечко
Тщетно загубленных сил —
Проклятым праведным именем,
Временем братских могил.

А. М.

Более десяти лет доцент Б. Н. ЖИТОВ сотрудничает с «Менделеевцем». За это время на страницах нашей газеты опубликовано около сорока его стихотворений. Стихи и проза Бориса Николаевича связаны, в основном, с героикой Великой Отечественной войны, в которой автору пришлось участвовать в качестве командира пулеметного взвода, но он своевременно откликается и на животрепещущие события сегодняшнего дня. Ниже — два из его новых стихотворений, проникнутых тревогой за судьбу перестройки и горечью от наших временных неудач.

ГODOBЩИНА

Опять ноябрь крадется к нам
холодный,
Висит везде копеечный кумач.
Душа томится в грусти
безысходной,
Ни веры, ни надежды нет,
хоть плачь.
Толпа идет, но нету в ней
веселья,
Не будят кровь привычные
слова.
Что ж, наступает горькое
похмелье,
И от проблем опухла голова.
Вняв слепо в прошлом
ложному призыву,
Стараясь заработать жалкий
приз,
Мы в ссадинах, крови и еле
живы
Карабкались — все по дороге
вниз.
Мелькают дни над родиной
голодной.
Сойдут снега и отшумят
дожди,
И отразятся в памяти
народной,
Как листья прошлогодние, —
вожди.
Мы — в тупике, и тучи над
страною,
Работать стало словно не
с руки.
А от вопросов нет совсем
отбою:
Что натворили мы,
большевики?

К РЫНКУ

Страну оставил призрак
коммунизма,
Мы все спокойней начали
дышать,
И натошак хлебнувши
плюрализма,

Все окосели, право, так
сказать.
Что только с пьяным в жизни
не бывает?
То весел он, а то его тошнит.
Теперь с похмелья нас
одолевает
Какой-то всесторонний
дефицит.

Пропал вдруг сахар,
и носки пропали,
Исчез табак, конфеты и штаны,
Вино исчезло, мыло расхватали,
Уехать люди рвутся из страны.
Болтать о разном нам
вольготней стало,
Растут цветы свободы всех
матей.

Мы не боимся клеить
«дацзыбаа»
На Пушкинской, на стену
«Новостей».

Съезд отшумел. К зиме
склонилось лето...
Что делать нам? — меня
пытает друг.

Сдают рабочие в парткомы
партизлеты,
Войной гражданской потянуло
вдруг.

Кругом бардак, кругом —
одни овраги,
Мы много лет на животе
ползли...

И нет в казне ни краски,
ни бумаги,
Чтобы печатать для страны
рубли.

Не стало ни трусов и ни
ботинок,
Россия — словно магазин
пустой.

Одна надежда — на грядущий
рынок.
Хоть сядем там с протянутой
рукой.
Б. Ж.

ТЕНДЕНЦИОЗНАЯ ПОДБОРКА

♦ Партия не снимает с себя
ответственности за деформа-
цию социализма.

М. С. Горбачев

♦ 70-летнее монопольное пре-
бывание КПСС у власти заве-
ло Россию в политическую,
экономическую и духовную
трясину.

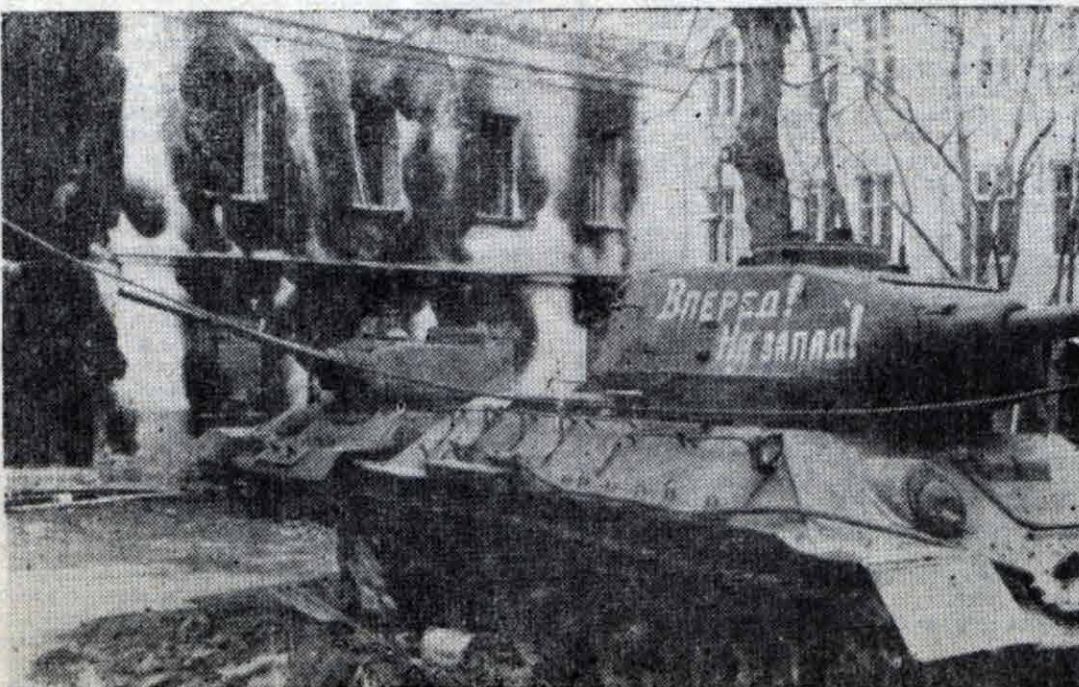
Из Обращения оргкомитета
по созданию движения
«Демократическая Россия»

♦ В итоге чудовищного соци-
ального эксперимента росси-
йская деревня подходит к XXI
веку разоренной, обезлюде-
вшей и обнищавшей.

Из воззвания
Крестьянской партии.

♦ 73 года мы вкладывали
деньги в мечту.

Программа «600 секунд»,
27 сентября 1990 г.
(Окончание на 2 и 3 стр.)

◆ Цель коммунизма властвовать, а вовсе не спасать, на его знамени написан лозунг власти, а не помощи.

К. Чапек

◆ История нашего государства — это история уничтожения нашей интеллигенции.

Из выступления кинорежиссера Б. Л. Васильева по Московской программе телевидения.

◆ Безработица же в «чистом» виде, о которой пишет В. Щербаков (Госкомтруд), — очередная политэкономическая профанация, созданная нашими идеологами для того, чтобы им было с кем «бороться» и кого «побеждать».

Л. Пияшева, канд. экон. наук, газ. «Известия» № 268, 1990 г.

◆ В стране две власти, если не три: ЦК партии, правительство и НКВД. Подбор людей в партии ниже среднего уровня страны — и морально, и умственно, и по силе воли.

Академик Вернадский. Из дневника 1938 г.

◆ У советских людей потеряна вера в государство, потому что государство само (или от его имени) совершило такие преступления, каких не знала история.

К. Лубенченко, народный депутат СССР, «Известия», 7 июля 1990 г.

◆ Пол Пот в Камбодже не уступал Сталину в жестокости. Но и там не было той тотальной фальсификации всей общественной жизни, такого длительного периода всеобъемлющей лжи, какой пережила наша страна.

Р. Конквист

Когда я прочитал в журнале «Родина» № 10 за 1989 год статью писателя В. Солоухина «Чистая Ленин», у меня появилось ощущение какой-то заданности, ощущение своеобразной схематичности, которой старался придерживаться автор. И суть этой схемы, как представляется, в следующем.

Жила и процветала Россия. Многочисленные умелые крестьяне вдоволь производили зерна, сами были сыты, кормили страну и обеспечивали хлебом половину Европы.

Бодрые инициативные ремесленники: столяры, иконописцы, валялы, златошвейки, кружевницы, шорники, овчинники, кожевики, сапожники, воскобы, плотники, краснодеревщики, пильщики, угольщики, стеклодувы, кровельщики, печники неустанно трудились, создавая богатство свое и государственное.

В стране процветала культура.

И тут разразилась катастрофа.

ОНИ захватили власть.

Чтобы заставить каждого жителя России действовать в соответствии с ИХ волей, ИХ вождь разработал план: в качестве основного инструмента принуждения использовать голод. Но как добиться голода в стране, которая переполнена хлебом?!

ИХ вождь предлагает: хлеб отобрать. Легко сказать: отобрать. Какой-то ведь предлог нужен для этого. И ОНИ организуют предлог. В Москве и Петрограде инспирируется голод (с. 68). Рабочим выдают всего по 100 г хлеба в день.

Тут же на всю страну разносят ОНИ вести об угрозе голодной смерти сотен тысяч рабочих; организуются вооруженные отряды, которые отправляются в деревни и отбирают хлеб у крестьян.

В своем дьявольском плане ИХ вождь предусмотрел все до последней мелочи. Например, учитывая, что члены отрядов неизбежно встанут на сторону ограбленных крестьян и повернут штыки против НИХ, было предписано ежемесячно менять состав отрядов.

Конечно же, ИХ вождь все эти мысли маскировал, но в статье они все раскрыты на основании прочтения его работ.

Думаю: как же так? Многие люди во многих странах читали статьи Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» и «Очередные задачи Советской власти», и вряд ли кто после этого представил версию истории, подобную опубликованной.

Читаю у В. Солоухина: «Но вот Россию завоевали группа, кучка людей. Эти люди тотчас ввели в стране жесточайший оккупационный режим, какого ни в какие века не знала история человечества. Этот режим они ввели, чтобы удержаться у власти. Подавлять все и вся и удержаться у власти. Они видели, что практически все население против них, кроме узкого слоя «передовых» рабочих, то есть нескольких десятых процента населения России, и все же давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали, как могли, чтобы удержаться эту страну в своих руках. Зачем? Ради чего? С какой целью? Ради того, чтобы осуществить в завоеванной стране свои политические принципы» (с. 70). Снова и снова ставится вопрос: «Зачем? Ради чего?» Не видит автор статьи ответов на эти вопросы. Захотелось Ленину осуществить свои политические принципы — и весь сказ.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко

Николай Гумилев считал, что «словом разрушали города». Советская власть всегда боялась печатного слова, особенно того, что приходило из-за рубежа, и особенно принадлежавшего бывшим соотечественникам. Впрочем, всегда ли — боялась?

В 1921 году Ленин получил изданную в Париже книгу Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции». «До кипения дошедшая ненависть», — заметил он об этой книжке на страницах «Правды». Но рядом — «поразительный талант», «знание дела и искренность». Вывод для нас неожиданный: «Талант надо поощрять», а значит и рассказы Аверченко заслуживают перепечатки в Советской России.

Перепечатали. И что же? Советская власть не рухнула.

В «Приятельском письме Ленину», тоже принадлежащем перу Аркадия Аверченко, — та же мера язвительности и неприятия новой российской власти. Но почему бы нам не познакомиться с ним читателей? Ни советская система, ни авторитет ее вождя от опубликования этих трех страничек не пошатнутся. Зато мы будем иметь блестящий документ эпохи — красноречивое свидетельство о пропасти, разделившей народ и страну. Может, в наших силах эту пропасть преодолеть?

Но подумалось вот о чем. В России в то время проживали 159 миллионов человек. Как же удалось человеку, пусть и ужасно хитрому и ловкому, большую часть их охмурить и обвести вокруг пальца?

«А еще удивляюсь, как им, если бы даже и с благими (как им, может, казалось) целями, как им не жалко было пускаться на распыл, а фактически убить и сожрать на перепутье к своим высоким всемирным целям такую страну, какой была Россия...»

Никто и никогда не вернет народу его уничтоженного генетического фонда, ушедшего в хлюпающие грязью, поспешно вырытые ры, куда положили десятки миллионов лучших по выбору, по генетическому отбору россиян... Генетический урон невосполним, и это есть самое печальное последствие того явления, которое мы, захлебываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской социалистической революцией» (с. 70). В статье говорится об опустошенных недрах, истребленных лесах, разрушенных дворцах и храмах. Ничего за 73 года не сделано, ничего не создано, ничего не построено. Кругом мрак, кругом руины...

В спор с В. Солоухиным по поводу новейшей версии Октябрьской революции вступают ученые (Родина, 1989, № 10, с. 71—76). Не была, говорят они, Россия в 1917—1918 гг. процветающим государством. «Была Россия, истерзанная кровавой мировой войной» (с. 71). К тому же, говорят они, Россия стала жертвой интервенции немецких, английских, японских, турецких и чехословацких войск. От России были оторваны Прибалтика, Украина, Белоруссия, Закавказье, Донская и Кубанская области, а также Мурманск и Владивосток. Тщательно, скрупулезно изучают ученые обвинения, выдвинутые автором статьи против Ленина. Голод и бесконечные очереди у продовольственных магазинов возникли задолго до октября 1917 г. Даже продразверстка не изобретение Ленина. Она была введена царем за год до революции: 29 ноября 1916 г. Автор идеи продразверстки является не кто-то из НИХ, а министр земледелия царского правительства того времени некто А. А. Риттих. Еще 27 августа 1914 г. были введены реквизиции «по твердым ценам». Царский штамп имели и продовольственные карточки, которые для начала появились в крупных городах в 1916 г. и были введены повсеместно постановлением Временного правительства до 29 апреля 1917 г. Приснопамятные продотряды, идею которых приписывают то Ленину, то Троцкому, принялись выколачивать хлеб силой оружия за три месяца до ИХ прихода к власти — в августе 1917 г. «Всеобщая трудовая повинность» и концентрационные лагеря — уж это точно ИХ изобретение, не так ли? Оказывается, не так. Первая была введена в 1914 г., а вторые появились в 1915 г. И уже в 1916 г. в русской деревне крестьяне сплошь и рядом не имели ни сох, ни борон, ни лопат. Как так «не имели»? Очень просто: старые поломались, а новых купить было негде. Как невозможно стало достать в городе ситцу на рубашку и какой-либо обуви (с. 75). Ответ ученых писателю, как кажется, отличается полнотой и богатством информации, корректностью.

А я задаюсь вопросом: неужели автор, много лет работающий в литературе, не знаком с историей революции, интервенции, гражданской войны? Знаком, наверное. Но тогда на что рас-

Дорогой Владимир Ильич!

Здравствуй, голубчик! Ну, как поживаешь? Все ли у тебя в добром здравии?

Кстати, ты, захлопотавшись около государственных дел, вероятно, забыл меня?..

А я тебя помню.

Я тот самый твой коллега по журналистике Аверченко, который, если ты помнишь, топтался внизу, около дома Кшесинской, в то время, как ты стоял на балконе и кричал во все горло:

— Надо додушить буржуазию! Грабь награбленное!

Я тот самый Аверченко, на которого, помнишь, тебе жаловался Луначарский, что я, дескать, в своем «Сатириконе» издаюсь и смеюсь над вами.

Ты тогда же приказал Урицкому закрыть навсегда мой журнал, а меня доставить на Горюховую.

Прости, голубчик, что я за два дня до этой предполагаемой доставки на Горюховую — уехал из Петербурга, даже не простившись с тобой. Захлопотался.

Ты тогда же отдал приказ задержать меня на ст. Зерново, но я совсем забыл тебе сказать перед отъездом, что поеду через Унечу.

Не ожидал ты этого?

Кстати, спасибо тебе. На Унече твои коммунисты приняли меня замечательно. Правда, комендант Унечи — знаменитая курсистка товарищ Хайкина, сначала хотела меня расстрелять.

— За что? — спросил я.

— За то, что вы в своих фельетонах так ругали большевиков.

Я ударил себя в грудь и вскричал обиженно:

— А вы читали мои самые последние фельетоны?

— Нет, не читала.

— Вот то-то и оно! Так нечего и говорить!

А что «нечего и говорить», я, признаться, и сам не знаю, потому что в последних фельетонах — ты прости, голубчик, за резкость — я просто писал, что большевики — жулики, убийцы и маровихеры...

Очевидно, тов. Хайкина не поняла меня, и я ее не разубеждал.

Ну вот, братец ты мой, — так я и жил.

Выезжая из Унечи, я потребовал себе конной, потому что надо было переезжать нейтральную зону, но это была самая странная зона, которую мне только приходилось видеть в жизни. Потому что по одну сторону нейтральной зоны грабили только большевики, по другую только немцы, а в нейтральной зоне грабили и большевики, и немцы, и украинцы, и все вообще, кому не лень.

Лазарь РЫЖИКОВ

СНОВА

считывал? Думаю, на неведение редакторов и читателей. Годы моей лекторской работы позволяют утверждать, что у многих наших сограждан о России конца XIX — начала XX века бытуют совершенно фантастические представления. Впрочем, здесь неуместно говорить о представлениях. Сформировалась система взглядов, сформировался целый курс истории. Этот курс содержит все атрибуты настоящей науки, кроме, конечно, истины. Создавалась такая антиистория десятилетиями на том фундаменте, который был описан еще А. С. Пушкиным. Помните? «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Не хочется думать, что что-то когда-то в России было не так, было хуже, чем у людей. Очень не хочется. А тут еще вселенская ложь корифеев всех наук, десятилетия суесловского вранья. Задолго до апреля 1975 года получить от слушателя ответ на вопрос, почему в России произошла революция, оказалось невозможным. Думаю, что сегодня это знают только специалисты-историки.

Ученые квалифицированно ответили автору статьи «Родины». Но что из того? Раньше были введены карточки или позже, раньше появились очереди, продразверстка или позже — в любом случае все эти события группируются вокруг 1917 г. Взять даже интервенцию: неоднозначно можно ее толковать. Не было бы революции — не было бы интервенции — что, не так?

В. Солоухин — талантливый писатель. Цену слову он знает хорошо. Вчитываясь в то, как он обгрызает ленинское рассуждение о мелкой буржуазии. Сначала приводятся цитаты из работ Ленина: «Большинство и громадное большинство земледельцев — мелкие товарные производители». «Мелкие буржуи имеют запас деньжонок в несколько тысяч, накопленных «правдами», и особенно «неправдами...» А затем ерническое замечание: «Не дают покоя деньжонки в чужих карманах». И окончательная фраза: «Ну а «неправды» — это, конечно, вернуто для красного словца». Далее под понятие «мелкая буржуазия» подверстаются ремесленники (кружевницы, печники, пильщики, валялы и т. д. и т. п.) и следует заключение: «И все это объединялось общим названием — мелкобуржуазная стихия. Словечко с окраской. Назови «земледелец» — и уже не то». Автор знает, как зацепить читателя. Земледелец — оратай-оратайка хлебушек растит, а Ленин его к буржуям приписал, под разверстку подводит.

Но я, например, из статьи В. Солоухина не могу понять, что подразумевает автор под понятием «земледелец»? Вот, скажем, безземельный крестьянин — это земледелец или нет? А безлошадный крестьянин — он кто? Знаю, что таких на Руси набиралось на 40 миллионов человек... Свыше 4 миллионов человек ежегодно ранней весной уходили с Севера на Юг наниматься на полевые работы. Шли по 500, по 1000 и более верст, босые, голодные, ночевали под открытым небом. Куда их отнести? Открой любую книгу, изданную до 1913 года. Одни названия чего стоят: «Вымирающая деревня» (А. И. Шингарев,

Бог ее знает, почему она называлась нейтральной, эта зона.

Большое тебе спасибо, голубчик Володя, за конвой — если эту твою Хайкину еще не убили, награди ее орденом Красного Знамени за мой счет...

Много, много, дружище Вольдемар, за эти 3 года воды утекло... Я на тебя не сержусь, но ты гонял меня по всей России, как соленого зайца: из Киева в Харьков, из Харькова — в Ростов, потом Екатеринодар, Новороссийск, Севастополь, Мелитополь, опять... Севастополь.

Это письмо я пишу тебе из Константинополя, куда прибыл по своим личным делам.

Впрочем, что же это я о себе да о себе... Поговорим и о тебе...

Ты за это время сделался большим человеком... Эка, куда хватил: неограниченный властитель всей России... Даже отсюда вижу твои плутоватые глазенки, даже отсюда слышу твоё возмущение:

— Не я властитель, а Цик.

Ну, это, Володя, даже не по-приятельски. Брось ломаться — я ведь знаю, что тебе стоит только цыкнуть и весь твой цик ползет под стол и сделает все, что ты хочешь.

А ловко ты, шельмец, устроился — уверяю тебя, что даже при Царе Государственная Дума была в тысячу раз самостоятельнее и независимее. Согнул ты «рабоче-крестьянскую», можно сказать, в бараний рог.

Как настроение?

Ты знаешь, я часто думаю о тебе и должен сказать, что за последнее время совершенно перестал понимать тебя.

На кой черт тебе вся эта музыка? В то время когда ты кричал до хрипоты с балкона — тебе, отчасти, и кушать хотелось, отчасти, и мир, по молодости лет, собирался перестроить.

А теперь? Наелся ты досыта, а мира все равно не перестроил.

Доходят до меня слухи, что живется у вас там в России, перестроенной по твоему плану, — препротивно.

Никто у тебя не работает, все голодает, мрут, а ты, Володя, слышал я, так запутался, что у тебя и частная собственность начинает всплывать, и свободная торговля, и концессии.

Стоит огород городить, действительно!

Впрочем, дело даже не в том, а я боюсь, что ты просто скучаешь.

Я сам, знаешь ли, не прочь повластвовать, но власть хороша, когда кругом довольство, сияющие рожки и этикие хорошенькие бабеночки, вроде мадам Монтеспан при Людовике.

А какой ты к черту Людовик, прости за откровенность!

МИФ?

1902 г.); «Голодающее крестьянство» (А. С. Пружинин, 1906 г.); «Без хлеба» (А. С. Панкратов, 1913 г.). Кто такие «земледельцы», как наживались тысячи, как накопились огромный заряд гнева народного, который привел к социальному взрыву невиданной силы, — все это можно узнать от непосредственных свидетелей того времени. Неужели только В. Солоухин достаточно компетентен в вопросах жизни простого народа России? А Л. Толстой, а А. Чехов, М. Горький, Н. Успенский, Г. Успенский, А. Энгельгардт, десятки других писателей и журналистов, которые оставили нам свои произведения?

Я все пытался найти в статье ответ на вопрос: почему ни в момент отречения, ни позднее никто не защищал царя?

После чтения В. Солоухина создается порой впечатление, что революция обрушилась на Россию внезапно. Страна спокойно трудилась, начинала расцветать — и вдруг откуда ни возьмись ОНИ, подобно супостатам, налетевшим на Русь. И — конец всему!

Но разве так было? Российскому императору первое предупреждение о неминуемой гибели поступило за 64 года до революции, в виде англо-французской эскадры броненосных кораблей. Путь России к революции начался на бастионах Севастополя, заваленных трупами русских солдат и все-таки отдаленных врагу. Этот путь прошел через Цусиму, где наши свою гибель пять тысяч русских моряков, через павшие твердыни Порт-Артура, через ужас и позор разгрома русских армий на Мазурских болотах.

Неужели автор об этих событиях ничего не слышал?

В момент отречения царя ОНИ были очень далеко от места событий: кто в тюрьме, кто в ссылке, кто в эмиграции. Не группа заговорщиков ночью в спальне прихватила царя с требованием об отречении от престола. Делегация с таким требованием явилась к нему в действующую армию, коей царь был главнокомандующим. Куда же подевались защитники престола, могучие аристократические роды России, генералы, адмиралы, министры, чины полиции и жандармерии? Где же были поручик Голицын, корнет Оболенский, гвардейцы-усачи, лейб-казаки? Мыслимое ли дело, чтобы на поле Полтавской битвы явилась делегация с требованием об отречении Петра I?

Что же случилось?

А случилось то, что хорошо знают писатели и историки. Первые же шаги русской армии в 1914 г. закончились разгромом армий Самсонова и Ренненкампа. В последнюю входили гвардейские кавалерийские полки, в которых служили выходцы из виднейших аристократических семей. Их-то и бросили в атаку с шашками прямо на немецкие пулеметы, на шквальный огонь крупных пушек.

Вспоминает дочь английского посла в Петрограде сэра Бьюкенена: «...казалось, что в эти дни в Петрограде не было ни одной семьи, которая не понесла бы тяжелой утраты. Со всех вокзалов

Окружил себя всякой дрянью, вроде башкир, китайцев — и нос боишься высунуть из Кремля. Это, брат, не власть. Даже Николай II частенько раньше показывался перед народом, и ему кричали «ура», а тебе что кричат?

— «Жулики вы!», — кричат тебе и Троцкому, — «чтобы вы подошли, коммунисты».

Ну, что хорошего?

Я еще понимаю, если бы ты рожден был королем — ну, тогда ничего не поделаешь: профессия обязывает. Тогда сиди на башне — и сочиняй законы для подданных.

А ведь ты — я знаю тебя по Швейцарии, — ты без кафе, без «бока», без табачного дыма, плавающего под потолком, — жить не мог.

Небось, хочется иногда снова посидеть в биргалле, пороть о политике, затянута хорошим кнастером — да где уж там!

И из Кремля нельзя выйти, да и пивные ты все, неведомо на кой дьявол, позакрывал декретом № 215523.

Неуютно ты, брат, живешь, по-собачьему. Русский ты столбовой дворянин, а с башкирами все яхнаешься, с китайцами. И друга себе нашел — Троцкого — совсем он тебе не пара. Я, конечно, Володя, не хочу сплетничать, но знаю, что он тебя подбивает на всякие глупости, а ты слушаешь.

Если хочешь иметь мой дружеский совет — выгони Троцкого, распусти этот идиотский Цик и издай свой последний декрет к русскому народу, что вот, дескать, ты ошибся, за что и приносишь извинения, что ты думал насадить социализм и коммунизм, но что для этой отсталой России «не по носу табак», так что ты приказываешь народу вернуться к старому, буржуазно-капиталистическому строю жизни, а сам уезжаешь отдыхать на курорт.

Просто и мило!

Ей Богу, плюнь ты на это дело, ведь сам видишь, что получилось: дрянь, грязь и безобразие.

Не нужно ли денег? Лир пять, десять могу сколотить, вышло.

Хочешь — приезжай ко мне, у меня отдохнешь, подлечишься, а там мы с тобой вместе какую-нибудь другую штуковину придумаем — поумней твоего марксизма.

Ну, прощай брат, кланяйся там!

Поцелуй Троцкого, если не противно.

Где летом на даче?

Неужели в Кремле?

С коммунистическим приветом

Аркадий АВЕРЧЕНКО.

Р. С. Если вздумаешь черкнуть два слова, пиши: Париж, Елисейский дворец, Мильерану — для Аверченко.

(«Столица» № 1, 1990 г.)

двигались погребальные процессии с гробами погибших офицеров, которых должны были похоронить под полковыми церквями. Мрачная туча нависла над столицей...

«А в 1941—1942 годах было лучше?» — напоролся я на негодующий вопль во время одной из лекций.

Известно, что лучше не было, а было хуже. Но уже в ноябре 1942 г. началась Сталинградская битва, а дальше были 1943-й, 1944-й и 1945 годы — годы побед. Тогда же, в той войне, иначе все сложилось. В 1915 г. русские войска одерживали одну победу за другой: взят Перемышль, до Кракова — рукой подать, преодолены Карпаты. Но с Запада перебрасываются несколько германских корпусов, да, всего лишь несколько корпусов. Но эти корпуса оснащены первоклассным оружием при неограниченном количестве боеприпасов. На русских солдат обрушивается ураганный огонь. Отвечать нечем. Один из офицеров вспоминал, что он сам подписывал приказы расходовать в сутки не более 3 снарядов. На орудие? Нет, на батарею.

Неужели В. Солоухин ни о чем таком не ведал, не слышал? Но ведь даже русская литература кричала об этом в те годы. Вспомним Валерия Брюсова, известного, между прочим, поэта.

Брошена русская рать.

Пушки грохочут все реже.

Нечем на залп отвечать...

Иль то маневры в манеже?

Нечем на залп отвечать,

Голые руки... О, боже!

Многое можно прощать,

Многое, но ведь не все же!

В июне 1915 г. сданы Перемышль и Львов; в августе — Варшава, Ковно, Гродно, Брест-Литовск. Путь отступления усеян трупами; в тыл противника побрели бесконечные колонны пленных русских воинов.

«А в 41-м сколько было сдано в плен дивизий?»

Было, было много сдано. Было... Но после 41-го пришли 43-й, 44-й, 45-й.

После 1915-го пришли 16-й и 17-й. Поражения, поражения и поражения...

Страну и даже столицу наводнили беженцы. Вспоминает дочь английского посла: «...У Варшавского вокзала в наспех выстроенных бараках ютились мужчины, женщины и дети. Здесь можно было видеть маленьких детей, матери которых умерли в дороге, родителей, потерявших своих детей, и очень много людского горя и слез. Все беженцы были в ужасном состоянии: многие женщины потеряли рассудок, дети были в ломотях и многие из них умирали...»

Как же это можно вычеркнуть из истории России? Кружевницы и златошвейки не забыты, а миллионы беженцев забыты. Прямо скажем, своеобразный творческий метод. Только используя такой метод можно изобразить дело так, что Россия, многие десятилетия пытавшаяся преодолеть всесторонний кризис, но так и не сумевшая сделать это — что такая Россия «начала расцветать».

Царя никто не защищал, потому что никто и не хотел его защищать: ни пичники, ни ваялы, ни пыльщики, ни краснодеревщики, ни поручик Голицын, ни корнет Оболенский.

И еще на один вопрос не нахожу ответа у В. Солоухина: почему никто не защищал Вре-

«Партия наши народы сплотила в братский единый союз трудовой, партия — наша надежда и сила, партия — наш рулевой...»

Из песни
«Партия — наш рулевой»

◆ Согласно партии, ликвидировать ст. 6 Конституции СССР показало нам, что советский лидер утвердился в своей новой позиции. Даже с учетом всех «но», возникающих вокруг этого радикального шага, можно сказать, что Советские отрываются не только от сталинизма, но и от ленинизма вообще.

З. Бжезинский

◆ Коммунизм есть необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества...

К. Маркс

◆ По иронии судьбы, впрочем, наибольшее распространение марксизм нашел не среди пролетариев, а среди деклассированных люмпенов. Диктатура пролетариата оказалась на практике диктатурой над пролетариатом, причем в состав нового государственного аппарата вошли в основном не рабочие, а деклассированные профессиональные революционеры.

Н. Левин,
газета «Республика»
№ 6—7, 1990 г.

◆ Перестройка все еще скользит по поверхности, не затрагивая ткань бытия.

А. Генис.
«Письма с Родины»
НЕАНИСИМОВ.

менное правительство? Миллионы людей в феврале—марте 1917 г., на улицах российских городов приветствующие его, и жалкая кучка юнкеров и особ из женского батальона, торопливо разбегающихся от Зимнего дворца в октябре. Почему так случилось? Потому, в частности, что Временное правительство, как ранее царское, пребывало в твердой уверенности, что пуля — дура, а штык — молодец и что самым действенным средством в борьбе против крупнокалиберных пушек являются шашки и пика. Теоретические воззрения подобного рода имели, к сожалению, ужасное практическое подтверждение: сражения с марта по сентябрь 1917 г. обошлись России за 1 миллион 195 тысяч 737 человек. Убитых, раненых, пленных. За полгода. Разве это нечеловеческое?

И, наконец, третье «почему» из тех вопросов, на которые так и не ответил автор. Вспомним 1919 год. Части генерала Деникина вот-вот ворвутся в Москву. Генерал должен был сесть на белого коня и под звон колоколов въехать в Кремль. Самое было время ваялам и кожемякам, столарам и плотникам, пыльщикам и угольщикам, земледельцам и воскобоям грохнуть в набат, от села к селу, по городам и весям, как в старину бывало, как повелось на Русь еще до князя Святослава. Да в топоры ИХ, вилами ИХ, на рога ИХ, которые «давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали». ИХ же было всего ничего, несколько десятков долей процента вместе с «передовыми» рабочими, то есть один человек на 300—400 воскобоя и кружевниц.

Почему же так не случилось?

У меня складывается впечатление, что автор статьи вольно или невольно скрыл от читателя тот факт, что Россия находилась в смертельной опасности, в тупике, в который ее затолкали сменявшие друг друга императоры, начиная с Николая I. После сокрушительного поражения в Крымской войне проходило 60 лет, но в период с 1914 по 1917 год на каждый пулемет, изготовленный в России, Германия делала 10, на каждое российское орудие — 6, на каждый самолет — 14. Плюс к тому Германия на свои самолеты ставит свои моторы, а Россия моторы делать не умеет. Плюс к тому — уже в ходе войны Германия осваивает производство танков, а Россия ни одного танка изготовить не сумела.

Ленин скончался за 17,5 лет до того июньского утра, когда в российские пределы вломилась коричневая орда, вооруженная танками и самолетами. В вопросе о социализме возможны любые варианты: был он нужен или не был нужен; строился он при Сталине или не строился и т. д. и т. п. Но, как сказал поэт, нелегка трехгранная откровенность штыка. Для Победы потребовалось очень много оружия, всякого оружия, такого оружия, которое превосходило бы оружие врага. Тогда самого врага, который еще до 1917 года усеял поля сражений трупами русских солдат, который разорил страну еще в 1914, 1915, 1916, 1917 годах, который в 1941 году вознамерился превратить в своих рабов столаров, плотников, кружевниц, кровельщиков и других наших людей. А их, то есть стеклодувов, пыльщиков, воскобоя, шорников, кровельщиков, угольщиков и др., такая перспектива никак не устраивала. Потому они и пошли за Лениным в 17-м.

(«Диалог» № 14, 1990 г.)

● НАШИ ПЕРЕВОДЫ

ЭДВАРД ФРЕДЕРИК БЕНСОН (1867—1940 гг.) родился в Уеллингтон Колледже. Его отец, в будущем глава Англиканской церкви, был тогда деканом этого колледжа. Два брата Эдварда — Роберт Хью и Артур Кристофер — тоже стали писателями и сделали на этом поприще завидную карьеру.

Первый роман Эдварда Бенсона «Додо» снискал ему широкую известность, сразу же став бестселлером. Представленные ниже рассказы считаются в англоязычной литературе образцами жанра так называемых «supernatural tales» или «историй о сверхъестественном».

Советскому читателю, видимо, еще предстоит более тесное знакомство с творчеством этого замечательного и плодотворного писателя. Пока же мы с удовольствием предлагаем вам его рассказ, искренне надеясь, что он не разочарует вас.

КАНЦЕР ИНГЛИЗИС

Месяц назад я прочитал в одной из итальянских газет, что недавно была снесена вилла Каскана, в которой мне однажды довелось остановиться, и что на этом месте теперь возводится какой-то завод. Стало быть, нет более нужды воздерживаться от рассказа о том, что произошло со мной на вышеназванной вилле и что я пережил в связи с этим...

Вилла Каскана была одним из самых прелестных уголков, в которых мне когда-либо пришлось побывать, однако ни одно обстоятельство, ни одна из самых неотложных причин, существующих в этом мире, не заставила бы меня поехать туда еще раз.

Вилла стояла на высоком и достаточно отесанном холме, недалеко от Сестри ди Леванте, на итальянской ривьере. Бледно-зеленые кусты грецкого ореха карабкались по склонам холма и наряду с ультрамариновым сиянием моря создавали неповторимый колорит и очарование местности. Воздух, напоенный ароматами магнолий и роз, струился в открытые окна дома, и это было прекрасно!

Дом описывала галерея, величественная мраморная лестница вела в прохладные комнаты на верхних этажах. На первом же этаже лишь одно помещение использовалось хозяевами — гостиная. Большая спальная комната была закрыта. Я жил на втором этаже в изолированной комнате со всеми удобствами, а надо мной, на третьем — художник Артур Инглиз, оборудовавший себе целую студию. Джим Стенли и его жена — хозяйка дома — занимали апартаменты в другом крыле. Там жили и слуги. Именно супруги Стенли пригласили меня к себе, пожить в неповторимом уголке вселенной...

В один прекрасный полдень я спустился к обеденному столу, в превосходном расположении духа. Сад источал неземные ароматы, и я с восторгом вдыхал их, вернувшись с неизменной прогулкой вдоль берега моря. Однако, когда я ступил на порог виллы, странное чувство овладело мной. В доме было что-то не так. Увидев на столе адресованные мне письма, я поймал себя на мысли, что жду непременно плохих новостей. Однако, вскрыв почту, обнаружил всех корреспондентов преуспевающими как никогда ранее. Реальные основания для страхов пропади, но неприятное чувство осталось. Вокруг творилось что-то неладное.

После обеда миссис Стенли решила показать мне дом и начала, естественно, с соседней комнаты — той самой спальней, что издавна пустовала.

«Мы сюда не заходим», — сказала хозяйка, — если бы мы здесь спали, то пришлось бы обустроить гардероб, да и обедать этажом выше. Мы сочли более удобным жить в соседнем крыле».

«Вы сказали, что любите верхние этажи», — помолчав, продолжала она, — вот я и не предлагала вам эту комнату, а поселила этажом выше, так что только наш милый Инглиз живет над вами».

«Зачем, собственно, она мне все это рассказывает?» — пронеслось в моем расстроенном

сознании. — Не потому ли, что здесь кроется нечто более таинственное?.. Но тут же, обвинив себя в излишней подозрительности, усилием воли отогнал эту мысль.

Второе происшествие, и послужившее, вероятно, причиной ночного кошмара, случилось во время ужина. Без всякой видимой причины разговор зашел о привидениях. Инглиз вдруг резко оборвал нас, заявив, что в существование привидений может верить лишь человек, не достойный даже имени осла. Вот и все. Мало-мало для ночного кошмара?

Спать все легли довольно рано. Лично я с трудом, зевая, дошел до своей постели. Было жарко, и я настежь открыл все окна, так что в комнату хлынул лунный свет и любовные песнопения соловьев. Я быстро разделся, но уснуть, вопреки сонливости, не смог. Это вовсе не озаботило меня, я был счастлив слушать соловьиные песни и любоваться лунными бликами. Через некоторое время я, по всей видимости, провалился в сон, так как последующие события могли быть только ночным кошмаром!

Мне снилось, что я, мучаясь бессонницей, решил почитать привезенный с собой роман, который днем по забывчивости оставил в гостиной. Я выбрался из постели, зажег свечу и стал спускаться по лестнице вниз. Соловьи уже умолкли, и луна скрылась за тучами. Вдруг я заметил странный серебристый свет, струившийся из приоткрытой двери пустой спальни. На цыпочках я пересек гостиную и заглянул в комнату...

Свет исходил от огромной кровати, стоявшей в центре, точнее, от тех странных существ, которые на ней копошились. Вся кровать была усеяна гусеницами, примерно по футу длиной. Они слегка светились и передвигались не с помощью обычных присосок, а благодаря крабовидным клешням, расположенным вдоль всего туловища. Клешни зацепились за поверхность и подтягивали тело гусеницы вперед. Гусеницы были желтовато-серого цвета с бордовыми, рассыпанными по всей спине.

Тварей было не меньше сотни, они громоздились друг на друга, создавая причудливую пирамиду, пока наконец одна из них не упала с кровати на пол с мягким чавкающим звуком. Невероятно! Ее бесчисленные клешни пришли в действие и врезались в каменный пол, как ножицы в бумагу. Она без труда забралась на кровать и исчезла в куче копошащихся существ. У них не было голов. На одном конце туловища находилось отверстие наподобие рта, открывающегося и захлопывающегося в такт дыханию.

Вдруг, мне показалось, они заметили меня. Одна за другой они с тем же чавкающим звуком стали спрыгивать с кровати и быстро ползли в мою сторону. На мгновение ноги приросли к полу, словно парализованные липким ужасом, но уже в следующую секунду я бросился сломя голову вверх по лестнице. Холод мраморных ступеней еще обжигает мои босые ступни.

Звук захлопнутой двери еще звучит в ушах!

Осознав себя стоящим рядом с постелью — в холодном поту, дрожащим от страха — я понял, что не сплю. Но ведь это не могло быть явью! Тем временем кошмар продолжался (как мечтал я проснуться и с облегчением посмеяться над собой и своими нелепыми ночными видениями!), я не мог заставить себя уснуть, мне мешали отвратительные гусеницы, клацающие клешнями по ступеням, подползающие к моей двери... они уже грызут ее... я вижу клешни... — в холодной испарине, снедаемый животным ужасом, я метался по постели.

В конце концов наступил рассвет. Измученный, с дикой головной болью, я с благодарностью смотрел в розовую перистую даль за окном.

В доме существовал обычай — завтракать в одиночестве и там, где вам заблагорассудится, — поэтому до самого обеда я оставался один на один со своими мыслями и не имел возможности поведать хозяевам и Инглизу о ночном кошмаре. Позавтракав на балконе, я заставил себя заняться корреспонденцией и до обеда прилежно отвечал на письма. В итоге я даже опоздал к обеду — все уже сидело за столом. Рядом с моей тарелкой лежал спичечный коробок.

«Взгляните на это», — сказал Инглиз. — Довольно любопытный экземпляр. Я нашел его утром на пороге своей комнаты. Вы вроде бы интересуетесь природой...»

Я вдруг поймал себя на мысли: еще не открыв коробок, я уже знаю, что в нем находится. Сдвинув крышку, я обнаружил на дне коробки небольшую серо-желтую гусеницу, покрытую на спине пушишками. Она была в чрезвычайно возбужденном состоянии — то сжималась в кольцо, то вытягивалась во всю длину, то металась из угла в угол. Когда она переворачивалась на спину, становилась заметными микроскопические клешни вместо обычных для гусениц присосок. В ужасе я захлопнул коробок.

«Я не знаю этого вида, — только и смог выдать я. — Что вы намерены с ней делать?»

«О, я собираюсь ее сохранить», — довольно улыбнулся Инглиз. — Видите, как она волнуется. Видимо, скоро превратится в кокон, а потом в бабочку какой-нибудь неизвестной породы».

Я снова открыл крышку — действительно, гусеница начала окукливаться... Инглиз снова заговорил: «У нее забавные конечности — как у краба или рачка. Послушайте, как будет «рак» по-латыни? Ах, да — «канцер». Стало быть, этот новый вид надлежит назвать «Канцер Инглизис».

Тут что-то нашло на меня, какое-то затмение. В порыве бессильной ярости я схватил коробок и вышвырнул его в окно вместе с содержимым. Он упал в нескольких ярдах от дома, в середину небольшого бассейна с фонтаном. Все с удивлением смотрели на меня. Наконец Инглиз расхохотался: «Эк вас разобрано! Признайтесь, что позавидовали лаврам первооткрывателя! Бедная гусеница».

Разговор сам собой переключился на посторонние вещи, но я не мог сосредоточиться ни на чем другом, кроме кошмарного ночного видения, которое теперь так активно вторгалось в реальность. Голова гудела от бессвязных мыслей и попыток объяснить необъяснимое. Пирамида из светящихся тварей теперь громоздилась в моем мозгу, я чувствовал, что медленно схожу с ума, ужас приближающейся ночи терзал мое измученное воображение.

После обеда мы провели несколько часов в прекрасном ничегонеделании, слоняясь по саду или сидя в шезлонгах с газетами. Около четырех попо-

лудни супруги Стенли предложили спуститься на берег освещенной Тропы, по которой нам предстояло пройти, пролегал вблизи фонтана. Вода в нем была прохладной и чистой. Я не удержался и глянул на дно. Там валялся размокший и уже почти развалившийся пустой коробок. А по ногам мраморного смеющегося купидона с винным мехом подмышкой, ползла наша гусеница. Из меха брызгали хрустальные струи, купидон хохотал, но мне было не до смеха. Она не могла выжить под водой ни при каких обстоятельствах — уж поверьте рассказчику, с детства влюбленному в биологию. Дальше произошло примерно то же, что и ночью. Гусеница заметила меня, кинулась в воду и поплыла в моем направлении с невероятной скоростью. Она уже начала переползать через край бассейна, когда к нам подошел Инглиз.

«Ба, да это же «Канцер Инглизис»! — воскликнул он. — Смотрите, как торопится к своему хозяину».

Мы стояли рядом; приблизительно в ярде от наших ног гусеница замешкалась, словно выбирая жертву. Через минуту она решительно поползла в сторону Инглиза, в мгновение ока залезла на его ботинок и...

И тут Артур со словами «я знаю, что нравлюсь тебе, бедняжка, но что-то я сейчас не в духе», стряхнул ее на землю и — раздавил.

Всю вторую половину дня сирокко нес с юга удушливую жару, и вечером я вновь ощутил себя сильно уставшим. Сон одолевал меня, но вместе с сонливостью я не мог отделиться от чувств возрастающей тревоги. Теперь я был совершенно уверен, что в доме нечисто. Против всех ожиданий я уснул, едва коснувшись головой подушки. Однако сон мой был недолог. Я проснулся от мысли, молоточком стучащей в голову: «Слишком поздно». Остатки сна моментально улетучились, а тело парализовало страх — слишком поздно, слишком поздно... Я пытался противостать этому страшному гипнозу, я убеждал себя, что во всем виноват ужасный итальянский сирокко, это он расстроил мои нервы, все мои страхи — плод больного воображения. Потом меня как будто что-то толкнуло в спину, я поднялся, надел халат и вышел на лестницу.

Лестница была сплошь покрыта копошащимися бородавчатыми тварями, карабкающимися наверх. Я перегнулся через перила. Сомнений не оставалось — они сошлись через запертую дверь загадочной спальни. Они вылезали из боковых щелей, из-за порога и даже из замочной скважины. При необходимости они становились не толще швейной иглы!

Слабо светящийся поток плыл мимо меня наверх, на третий этаж, к комнате Инглиза. Гусеницы просачивались под дверь его спальни как вода. Я должен был кричать, чтобы предупредить несчастного, но молчал, парализованный страхом привлечь к себе внимание ужасных существ.

Через полчаса мне вновь довелось встретиться с миссис Стенли. Это было уже в Англии, в моем загородном доме. Мы говорили о многом, вспоминали общих знакомых, и вдруг она спросила: «Вы слышали, что случилось месяц назад с нашим несчастным Артуром?»

«Нет», — ответил я, холодея. «У него обнаружили рак. Никакой надежды на излечение, доктор говорит, его внутренности как молью изъедены». И словно читая мои мысли, миссис Стенли продолжила: «Я не могу избавиться от чувства, что Артур Инглиз заразился...»

«Что он заразился на вашей вилле?» — не удержался я.

«Как вы догадались?» — удивилась она.

И рассказала, что годом раньше в спальне на первом этаже в ужасных муках скончался раковой болезнью. После несчастия помещение подверглось дезинфекции, а супруги Стенли перестали пользоваться комнатой и пускать туда гостей. Были приняты все меры предосторожности, кроме...

Перевод с английского Сергея ПРОТАСОВА.

● ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ

СИНЕМА, ПРИНТ, ФИЕСТА «ДЯГИЛЕВ-ЦЕНТРА»

В апреле 1990 года прошло празднование 118-й годовщины со дня рождения Сергея Павловича Дягилева, знаменитого своими «Русскими сезонами» в Париже.

В конце октября в ЦДЛ состоялась презентация московского товарищества «ДЯГИЛЕВ-ЦЕНТРА». Его учредителями стали ЦДЛ и кооперативная ассоциация «Ветер». Своей целью центр видит возрождение и развитие лучших традиций «серебряного века» русской культуры, восстановление духовных мостов Восток-Запад.

При создании центра предполагалось, что балет, театр, хор не будут окупаться или приносить ощутимой прибыли. Пока, правда, предположение не оправдалось. Театр хора «Дягилев-центра» со своей программой «Воспойте, люди!» (песнопения русской православной церкви XVI—XX веков) с успехом выступает в Союзе и в ближайшее время намерен отправиться в зарубежные туры. Театр уже выпустил два спектакля, прошедших с большим успехом.

— Мы даже не ожидали такого, — сказала художественный руководитель театра Татьяна Лель. — Наше кредо — чистое искусство, а оно редко пользуется большой популярностью.

И все-таки для поддержки этих направлений и организации разного рода культурных акций центром созданы коммерческие направления.

Фирма «Дягилев-Фиеста» занимается организацией гастролей, фестивалей, массовых праздников. Книгоиздательский отдел «Дягилев-Принт» уже выпустил М. Генина «Нострадамус» и А. Шопенгауэра «Афоризмы житейских мудростей». В планах отдела коммерческая литература, например, серия книг, по которым были сняты фильмы, получившие «Оскар». В свою очередь, «Дягилев-Синема» снимает параллельно и кассовый фильм, и экранизацию рассказа Л. Андреева «Иуда Искариот».

Планы центра весьма обширны: это разработка учебных программ в области культуры, участие в реставрации памятников архитектуры. В перспективе возможно появление на свет киношколы, балетного, театрального и литературного лицеев.

Дмитрий ПИНСКЕР.

ПОПРАВКА

В «Менделеевце» № 31 по вине редакции допущена неточность. Статья доцента Л. Зубаковой имеет следующее название: «Из истории факультета химической технологии полимеров и бывшего органического факультета».

Редакция приносит извинения автору и читателям газеты.

Редактор В. Н. КУДРЯВЦЕВ.